

Спустя десять минут официант осторожно постучал в дверь.

— Фо готов. Могу я его подать? — спросил он с опаской.

Официант явно боялся снова увидеть то, что ему видеть не полагалось. Ли Жун бросил быстрый взгляд на спутника и согнул колено, собираясь убрать ногу, но Цэнь Сяо внезапно крепко обхватил его за щиколотку. От соприкосновения жаркой ладони с прохладной кожей по телу юноши мгновенно пробежала волна мурашек.

Они слишком долго не позволяли себе подобной близости, а только что пережитый страстный поцелуй лишь разбередил чувства.

«Мужское тело — никудышный союзник в искусстве притворства: его реакции слишком честны, и их невозможно скрыть»

Ли Жун судорожно перебирал в уме безрадостные мысли, пытаясь усмирить вспыхнувший огонь желаний. Он был уверен, что мужчине сейчас приходится не легче. Юноша замер, покосился на низ живота Цэнь Сяо и, поджав губы, с улыбкой спросил:

— И что это значит?

Он понимал, что Цэнь Сяо не решится на большее: они всё ещё находились в ресторане, и рассудок пока не окончательно покинул их.

«На самом деле я мог бы освободиться, приложи чуть больше усилий, — промелькнуло в голове, — но... его ладонь такая теплая. Хочется еще немного продлить это томительное мгновение»

Не дождавшись ответа, официант снова постучал:

— Вы меня слышите? Лапша готова.

Взгляд Цэнь Сяо потемнел. Он двусмысленно сжал ладонь на лодыжке Ли Жуна, прежде чем нехотя разжать пальцы, и не забыл заботливо поправить его штанину.

Юноша наклонился, привел одежду в порядок и, приняв подобающий вид, громко отозвался:

— Входите.

Официант поставил на стол две миски, не удержавшись от мимолетного любопытного взгляда. Посетители сидели подчеркнуто ровно, и хотя оба устроились на одной стороне качелей, между ними сохранялась приличная дистанция. Казалось, ничего предосудительного здесь не происходило.

Ли Жун проигнорировал чужое любопытство и спокойно распорядился:

— Мне — с бульоном, ему — жареную.

Цэнь Сяо всегда предпочитал более насыщенные вкусы.

Когда официант вежливо удалился, Ли Жун взял палочками подсохший спринг-ролл, макнул его в соус и отправил в рот. Рисовая бумага успела затвердеть по краям, и её следовало бы сбрызнуть водой, чтобы размягчить, но юноша не обратил на это внимания. Вкус креветок в сочетании с мятой наполнил рот — это было легкое, совсем не жирное блюдо, дарующее приятное чувство сытости.

Ли Жун опустил голову и с довольным видом слизнул остатки соуса с губ.

— А ведь действительно вкусно, — тихо произнес он.

Это был тот самый ночной перекус, который Цэнь Сяо когда-то специально привез для него. И только сейчас Ли Жун смог наконец признать, как это было вкусно.

Мужчина посмотрел на блюдо со спринг-роллами, а затем перевел многозначительный взгляд на юношу.

— А я-то решил, что ты приготовил его для меня.

Ли Жун не стал жадничать. Он ловко скрутил новый ролл и сам вложил его в рот Цэнь Сяо. Тот перехватил его руку за запястье и, проглотив угощение, едва заметно поморщился:

— Ну, сойдет.

Он не слишком жаловал подобную еду: для него она была чересчур пресной. Обилие салата в рисовой бумаге явно проигрывало жареному фо, который пришелся ему куда больше по душе.

Они сидели плечом к плечу на одних качелях, и хотя ритм их движений никак не желал совпадать, никто не хотел пересаживаться. Так, в тесноте и легком покачивании, они и закончили свой ужин.

В разгаре трапезы на телефон Ли Жуну пришло личное сообщение от Цзянь Фу.

[Цзянь Фу: Вызываю Большую Панду! Прием! Как ты празднуешь день рождения моего брата?]

Ли Жун краем глаза заметил, что собеседник наблюдает за ним, и не стал скрывать экран, просто положив телефон на стол.

[Ли Жун: Угощаю его вьетнамской кухней.]

[Цзянь Фу: Ха?! Брат терпеть не может эту безвкусную стряпню! Ну ты даешь... Хоть бы со мной посоветовался. Нельзя же быть таким самоуверенным!]

Ли Жун усмехнулся, отложил палочки и быстро набрал ответ.

[Ли Жун: Вот как? А мне кажется, он вполне доволен.]

[Цзянь Фу: Да быть того не может!]

[Ли Жун: Просто он отведал еще кое-что другое.]

[Цзянь Фу: А? Что еще?]

[Ли Жун: Хе-хе, не скажу.]

Цэнь Сяо, прочитав их переписку от начала до конца, лишь обреченно покачал головой.

— И почему тебе так нравится его подначивать?

Ли Жун повернулся к нему и с намеком произнес:

— Наверное, потому, что когда кто-то пытается что-то от меня скрыть, он всегда выступает в роли лучшего сообщника.

В прошлой жизни Цзянь Фу и Цэнь Сяо не раз разыгрывали перед ним подобные спектакли.

Мужчина бесстрастно отвел взгляд, коснулся кончиками пальцев тонкой занавески и перевел тему:

— Срок проживания в школьном общежитии скоро истекает, верно?

Ли Жун только сейчас вспомнил о переезде. Школа А требовала, чтобы выпускники освободили комнаты сразу после окончания Гаокао: в тот же день здание закрывалось на капитальный ремонт. До поступления в Университет А оставалось еще три месяца, и ему нужно было найти жилье.

В прошлой жизни, когда он съехал из общежития, бабушка, польщенная его статусом лучшего ученика города, милостиво разрешила ему пожить у нее. Но юноша, не желая видеть родственников, предпочел снять дешевую квартиру в ветхом районе. Какой бы скромной ни была цена, для рынка аренды города А она оставалась базовой, поэтому ему пришлось искать подработку на каникулы. Именно тогда он окончательно очнулся от горя после смерти родителей: жизнь просто не оставляла времени на бесконечную скорбь.

— А... я еще не думал об этом. Не к спеху, — легкомысленно бросил Ли Жун.

В этой жизни всё было иначе. У него были сбережения и способы заработка, так что найти приличное место на три месяца не составляло труда.

— Не оставайся в общежитии, — сказал Цэнь Сяо. — Я помогу тебе найти жилье.

Ли Жун усмехнулся и положил руку на плечо мужчины:

— Должен тебя предупредить: когда мы окажемся в Университете А, у нас уже не будет возможности так часто потакать своим желаниям.

Университет А был тесно связан с исследовательским институтом «Хунсо». Многие эксперты института преподавали там, а некоторые специалисты, уйдя в «Хунсо», возвращались в университет в качестве приглашенных профессоров и кураторов, совмещая обучение студентов с работой над проектами.

В то же время университет не мог существовать без спонсорской поддержки Объединенной торговой палаты «Ланьшу». Многие председатели районов были выпускниками Университета А; они регулярно жертвовали средства от имени палаты и обеспечивали студентам места для практики.

Таким образом, Университет А занимал нейтральную позицию, стараясь не обидеть ни одну из сторон и закрывая глаза на конкуренцию между «Ланьшу» и «Хунсо». Однако в последние годы влияние исследовательского института «Хунсо» начало постепенно угасать.

С институтом сотрудничали в основном новые технологические и инновационные компании, которые не желали платить огромные взносы в Торговую палату и потому безоговорочно поддерживали «Хунсо». Сама же Торговая палата «Ланьшу» охватила столь обширные сферы бизнеса, что это начало напоминать монополию. Если подобная модель продолжит расширяться, малые предприятия, не прошедшие проверку «Ланьшу», окажутся в изоляции и лишатся шансов на выживание.

Эта ситуация складывалась годами, и изменить её в одночасье было невозможно. Ходили слухи, что председатель Четвертого района Торговой палаты Ху Юймин во всеуслышание заявил о намерении объединить район с институтом «Хунсо», сделав последний частью «Ланьшу».

Цэнь Сяо, казалось, погрузился в раздумья. Он нахмурился и медленно потягивал воду с лимоном. На самом деле он не испытывал жажды — ему просто нужно было чем-то занять руки, чтобы его задумчивость не выглядела слишком внезапной. Ли Жун сразу понял, что собеседника что-то беспокоит, но, поколебавшись, так и не решился спросить.

Вслед за днем рождения Цэнь Сяо наступила пора третьего пробного экзамена. Ученики экспериментального класса готовились к нему со всей серьезностью: поговаривали, что сложность заданий максимально приближена к реальному Гаокао, а результаты лягут в основу общегородского рейтинга.

Ян Фанфан спросила Ли Жуну, планирует ли он участвовать, но тот, не желая тратить время на бессмысленную экзекуцию, решительно отказался, окончательно закрепив за собой статус самого завидного бездельника в классе. На столе юноши не осталось даже ручки — только термос. Когда ему становилось скучно, он шел в подсобку набрать теплой воды и возвращался, чтобы не спеша попивать её.

Как-то раз, возвращаясь с полным термосом, он проходил мимо парты Цуй Минъяна и невольно взглянул на одноклассника, который, забыв о сне и еде, усердно что-то строчил. По совести говоря, тот был крайне трудолюбив, но его подводила жадность: он хотел и плодов своего труда, и легкой наживы одновременно.

Ли Жун со стуком поставил термос на его стол. Цуй Минъян поднял воспаленные глаза с глубокими тенями под ними и раздраженно бросил:

— Тебе чего?

Последние несколько дней он почти не спал, и его нервы были на пределе, но перед лицом Ли Жуну он всё еще сохранял бдительность.

— Как жизнь? — лениво поинтересовался Ли Жун. — О чем там твои родители в последнее время судачили в связи с «Хунсо»? Поделись секретом.

Цуй Минъян замер. Он решил, что ослышался, и на его лице отразилось крайнее недоумение.

— Ты издеваешься?

«Мы что, такие друзья? Или он просто вошел во вкус, выпытывая у меня информацию?»

Ли Жун не то чтобы рассчитывал на откровенность, просто после публикации статьи Ли Цинли в институте «Хунсо» воцарилась подозрительная тишина. Не считая мелких козней с его зачислением по рекомендации, никаких активных действий не предпринималось. Это рождало в душе смутную тревогу, не подкрепленную фактами, и Цуй Минъян был для него лишь возможным источником зацепок.

— Тебе всё равно скучно, почему бы не рассказать? С тебя не убудет, — настаивал Ли Жун.

Цуй Минъян оторопел, его красные глаза округлились.

— Кому тут скучно?! До твоего прихода я решал сложнейшую задачу по физике!

Ли Жун, не скрывая своего лукавства, с улыбкой ответил:

— В этом мире не бывает вечных врагов. Считаю, что я уступил тебе место лучшего ученика города. Ну так что, слышно что-нибудь интересное?

Мускул на лице Цуй Минъяна дернулся. Ему хотелось крикнуть, что этот человек просто несносен: что значит «уступил место»? Это ведь он, Цуй Минъян, раскрыл тайну и сохранил за Ли Жуну право на зачисление! Но он не решился на открытую иронию — Цэнь Сяо сидел неподалеку, и даже не оборачиваясь, Цуй Минъян кожей чувствовал его тяжелый, ледяной взгляд.

— Тебе какую историю сочинить? — ядовито прошипел он. — Про грызню из-за распределения грантов на исследования или про перевыборы директора «Хунсо»?

Его родители были в институте на вторых ролях и не имели доступа к тайнам верхушки. Их положение нельзя было сравнить с тем статусом, который когда-то занимали Ли Цинли и Гу Нун, и именно поэтому он так отчаянно завидовал Ли Жуну.

Того ничуть не задел его тон. Он лишь поигрывал термосом в руках.

— Подойдет любая мелочь. Просто любопытно, я не привередлив.

— Ну ладно, — буркнул Цуй Минъян. — Тогда что выберешь: сплетню об интрижке преподавателя с факультета иностранных языков со студентом или историю о том, как уличная торговка пробралась в школьный компьютерный класс и совершила кражу?